

Т. Л. Гурулева

ВЫСШЕЕ ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР

В статье рассмотрены вопросы подготовки специалистов в системе высшего языкового образования с учетом специфики обучения восточным языкам. Определено понятие языкового поликультурного образования, представлена авторская поликультурная модель подготовки специалистов, способных осуществлять межкультурное общение на международном уровне.

HIGHER LINGUISTIC EDUCATION IN RUSSIA: THE ORIENTAL VECTOR

The article deals with the issues of professional training in the system of higher linguistic education with regard to the peculiarities of teaching oriental languages. The concept of linguistic polycultural education is defined; the author's polycultural model of professional training of specialists capable of carrying out intercultural communication at international level is presented.

Процессы глобализации и интеграции, происходящие в нашей стране и во всем мире, проецируются на образовательную систему России необходимостью подготовки высококвалифицированных специалистов, способных осуществлять эффективное межкультурное общение. Факторы, актуализирующие необходимость подготовки таких специалистов с учетом обучения восточным языкам и культурам в первую очередь носят геополитический характер.

Геополитическая слабость России на Востоке в значительной степени определяется наличием там удаленного от политического и экономического центра страны обширного, богатого природными ресурсами, но слаборазвитого в социально-экономическом отношении региона Сибири и Дальнего Востока, а также низкой численностью населения в этом регионе, которое к тому же сокращается значительно быстрее, чем в целом по России.

Наши соседи на восточных границах входят в число стран азиатско-тихоокеанского региона (АТР). О месте АТР в системе мировой экономической интеграции красноречиво свидетельствуют следующие данные. На долю АТР приходится 60% мирового ВВП, 49% мировой торговли, 40% населения, 46% прямых зарубежных инвестиций. При этом на восточноазиатский экономический центр (Китай, Япония, Южная Корея, Гонконг и Тайвань как отдельные экономические субъекты) приходится одна треть мирового ВВП и такой же объем мировой торговли¹.

По оценкам МВФ, через двадцать лет совокупный ВВП стран АТР будет исчис-

ляться десятками триллионов долларов, а стоимостные показатели производства ведущих стран региона будут составлять: Китай — до 20 трлн. долл., США — 13,5, Японии — 5, Индонезии — 4,3, Южной Кореи — 3,4, Таиланда — 2,4 трлн. долл. Если эти прогнозы оправдаются, азиатско-тихоокеанский регионализм станет фактором глобального значения.

Такой дисбаланс экономического и социального развития регионов Сибири и Дальнего Востока и наших восточных соседей (в особенности Китая) вызывает определенные опасения.

Для России важна реальная интеграция в экономическое пространство АТР. Во-первых, потому, что интеграция в этом регионе мира — это объективная реальность, не учитывать которую нельзя. Во-вторых, пассивное участие России в процессе интеграции экономик этого региона не позволит учесть интересы страны в АТР, не позволит включить ее природные богатства, выгоды географического положения и интеллектуальный потенциал в формирующееся разделение труда в этом регионе. В-третьих, интеграция России в АТР устранил «европоцентристский» крен страны, послужит более глубокому включению России в процессы глобализации. Вовлеченность в глобализирующуюся региональную экономику создаст условия для социально-экономического подъема страны и, *особенно, регионов Сибири и Дальнего Востока*. В-четвертых, усиление экономической взаимозависимости со странами АТР будет способствовать повышению доверия и укреплению безопасности в регионе.

Для России, а особенно для ее восточных рубежей — Сибири и Дальнего Востока, наиболее значимым является сотрудничество со странами АТР, расположенными в Северо-Восточной Азии (СВА), — Китаем, Японией, Республикой Корея, Монголией и Корейской Народной Демократической Республикой. Экономический рост во второй половине XX в. сначала в Японии, а потом в Южной Корее и, особенно, в Китае значительно повысил их роль в мире, превратив СВА в один из наиболее динамично развивающихся субрегионов мира. По оценкам специалистов, к 2010 г. по совокупному объему ВВП СВА может обойти ЕЭС и Северную Америку. Большую роль в этом может сыграть усиление интеграционных процессов на субрегиональном уровне.

Выдающийся отечественный ученый и видный международный деятель М. Л. Титаренко отмечает: «Россия является евразийской державой, расположенной между двумя интеграционными группировками — уже сложившейся в Западной Европе в рамках ЕС и только формирующейся в Северо-Восточной Азии с участием Японии, Китая и Южной Кореи и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в рамках форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Поэтому при разработке стратегии развития России в XXI в. необходимо рационально и с пользой для национальных интересов использовать уникальное геополитическое и геоэкономическое положение России, ее богатый интеллектуальный и ресурсный потенциал»².

Таким образом, государственная граница России со странами СВА является в некотором смысле и границей между европейской и азиатской цивилизациями. Россия имеет определенную историю государственных и межцивилизационных взаимоотношений с этими странами. Важность взаимопонимания и диалога между российской и восточными культурами на современном этапе трудно переоценить. По-

этому очевидна необходимость и значимость подготовки специалистов в системе высшего языкового образования России, способных осуществлять межкультурное общение с представителями различных восточных культур.

Целью нашего исследования была разработка *поликультурной модели высшего языкового образования с учетом специфики обучения восточным языкам.*

Над проблемой иноязычного культуроведческого обучения студентов языковых вузов (для европейских / американской языков и культур) работали В. П. Фурманова, Г. В. Елизарова, О. А. Бондаренко, И. Я. Лупач, М. Г. Корочкина, М. Г. Баклашкина и др. Проблема вузовского поликультурного образования была рассмотрена в трудах П. В. Сысоева. Если говорить об обучении восточным языкам и культурам, то такие исследования носят единичный характер.

Под языковым поликультурным образованием мы понимаем поликультурное образование средствами иностранного языка. Если говорить о восточных языках, то в нашей стране в образовательных учреждениях существует устойчивая практика обучения восточному языку (как первому) наряду с другим европейским языком (вторым), чаще всего английским. В связи с этим языковое образование с учетом специфики обучения восточным языкам мы будем рассматривать как поликультурное, прежде всего потому, что параллельное обучение двум языкам (восточному и европейскому) предполагает соизучение как минимум трех различных культур: двух неродных и одной родной.

Мы построили поликультурную модель высшего языкового образования, опираясь на диалоговый подход, основанный на принципах диалога культур, толерантности, равноправия и равноценности культур при сохранении их непохожести и уникальности. Диалоговая концепция использовалась нами как основная методологическая идея. Вместе с тем чрезвычайно важным в

осуществлении языкового образования мы полагаем воспитание у будущих участников межкультурного диалога патриотизма, осознанных позитивных ценностных ориентаций личности по отношению к собственной стране и культуре.

Будущее России, защита ее национально-политических интересов, успехи нашей страны в международной конкуренции, сохранение и укрепление российской цивилизации во многом зависят от сформированности у будущих участников международного общения высокого патриотического сознания, возвышенного чувства верности своему отечеству, готовности к выполнению гражданского долга, важнейших конституционных обязанностей по защите интересов Родины. Патриотизм является нравственной категорией и неотделим от индивидуальных, гражданских и профессиональных качеств личности.

Рассматривая толерантность как терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению, а патриотизм как любовь к своему отечеству, преданность своему народу, ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины, мы считаем эти две сущности — «чашами весов», равновесие которых позволяет обеспечить оптимальный результат в процессе межкультурного диалога.

Как повести себя при иммерсии в изучаемую культуру? Есть ли «разумная мера» толерантности и патриотизма? Чем определяется поведение человека в чужой культуре? Эта проблема решается учеными по-разному. Например, П. В. Сысоев решает ее через самоопределение. Он пишет: «Обладая необходимыми знаниями, каждый будет сам решать (самоопределяться), каким правилам он хочет следовать. Например, использовать палочки или столовые приборы, обедая в Китае; как вести себя при прослушивании государственного гимна посещаемой страны. Такие и подобные факторы будут зависеть от ряда факторов и мировоззрения личности. Невоз-

можно, да и нет необходимости утверждать, как именно должен повести себя человек при погружении в изучаемую культуру»³.

Поскольку мы строим поликультурную модель высшего языкового образования с ориентацией на личность, осуществляющую межкультурную коммуникацию в условиях международного общения, то считаем, что будущий участник международного общения представляет за рубежом не только себя лично, но и свою страну, и в конечном счете интересы своего государства. Процесс международного общения, затрагивающий интересы государств, не может быть отдан на откуп только одному культурному самоопределению личности. Представители сильного государства, ведущего последовательную внешнюю политику, должны быть объединены общей концептуальной идеей, во многом определяющей и регламентирующей поведение участников международного общения.

Такой концептуальной идеей в современных условиях для России, на наш взгляд, является концепция евразийства (Л. Н. Гумилев, М. Л. Титаренко). Евразийство — «культурно-цивилизационный феномен, отражающий новое качество и новую ступень развития цивилизации на основе естественно-научных законов развития этногенеза и взаимодействия биосферы и ноосферы — сферы разума в определенных социально-экономических, межкультурных и международных отношениях».

М. Л. Титаренко, опираясь на идеи евразийства Л. Н. Гумилева и учение В.И. Вернадского о ноосфере, сформулировал концепцию современного российского евразийства.

«Отличительные черты современного российского евразийства, отражающего геополитическое и геокультурное положение России на стыке крупнейших мировых региональных цивилизаций (русской, славянской, европейско-американской, китайской, индийской, япон-

ской, тюркско-мусульманской, арабо-персидской, угро-финской, грузинской, армянской и т. д.), — подчеркивает М. Л. Титаренко, — включают в себя такие основополагающие принципы, как *симфонизм, преемственность, соборность, мирное сосуществование различных культур, их взаимовлияние и взаимообогащение* (курсив наш. — Т. Л.).

В области внешней политики евразийский подход означает активное развитие отношений добрососедского взаимовыгодного сотрудничества как с европейскими странами и Америкой, так и со странами Азии и других регионов, исходя из коренных иностранных интересов нашего государства (сохранения его независимости, территориальной целостности) и уважения интересов других стран, а также принципов политической и экономической многополярности и равноправного диалога цивилизаций, сохранения их многообразия и углубления взаимодействия и взаимопонимания.

Если конкретизировать принцип евразийства применительно к восточным регионам России, то он означает всемерное содействие социально-экономическому развитию Сибири и российского Дальнего Востока путем укрепления общего правового, экономического и культурного пространства в пределах единого государства, углубления сотрудничества и кооперации с нашими дальневосточными соседями, активной интеграции России в экономические структуры АТР и налаживания тесного сотрудничества в их рамках.

Внутренняя экономическая составляющая российского евразийства включает реализацию комплексных программ социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока путем налаживания цивилизованных рыночных отношений между европейской и азиатской частями России, усиления координирующей роли государства в развитии и взаимодействии этих регионов, создания благоприятного инвестиционного климата, сопо-

ставимого с инвестиционным климатом соседних с Россией стран, таких как Япония, Южная Корея, Китай, постепенного преодоления неравномерности развития между европейской и азиатской частями страны, осуществления активной миграционной политики по заселению малонаселенных районов Сибири и Дальнего Востока.

Евразийский принцип в российской внутренней политике означает достижение баланса интересов в развитии центрально-европейских и восточно-азиатских районов России, обеспечение симфонизма в межнациональных и межрегиональных отношениях».

Отмечая тот факт, что в российском стратегическом мышлении традиционно доминирует европоцентристская ориентация, М. Л. Титаренко подчеркивает, что для обеспечения безопасности страны, ее внутренней и внешней политики необходимо сделать практические выводы из геополитического положения России, которая находится и развивается в культурном ареале, расположенном на стыке крупнейших локально-региональных цивилизаций индоевропейского и азиатского типов.

Таким образом, методологической базой разработки поликультурной модели высшего языкового образования мы полагаем диалоговую концепцию в сочетании с концепцией патриотического воспитания и концепцией евразийства.

Диалоговый подход в сочетании с идеями патриотизма и евразийства как основными концептуальными образовательными идеями важен нам еще и потому, что любой «идеологический вакуум», оставляемый нами в процессе современного языкового образования немедленно заполняется, только уже не в нашу пользу.

Так, например, одной из новейших современных форм пропаганды китайского языка и культуры являются Институты Конфуция. Правительство КНР, государственный комитет по преподаванию китайского языка как иностранного занимается распространением китайского языка

и культуры во всем мире через названные Институты. Институты Конфуция в ведущих региональных университетах мира представляют собой некоммерческие учебные заведения, основной целью которых является помощь всем желающим в изучении китайского языка, культуры, искусства. Обязательным условием для открытия регионального отделения является подача в головной офис в Пекине совместной заявки с китайским вузом-партнером. В выбранных учебных заведениях преподают специалисты из КНР, ведутся курсы дистанционного обучения, значительно пополняются библиотечные фонды. Китайское Правительство планирует ежегодно тратить около 25 млн американских долл. на поддержку образовательной сети Институты Конфуция. К ноябрю 2007 г. Китай создал уже 209 подобных учебных заведений, распространяющих знания о китайской культуре и языке в 64 странах мира. В 2007 г. также планируется открыть Интернет- и Радиоинституты Конфуция⁴. К 2010 г. во всем мире планируется открыть 500 Институты Конфуция и курсов китайского языка⁵.

К сентябрю 2007 г. количество Институты Конфуция в России достигло восьми. В настоящее время Институты Конфуция созданы в Москве (на базе РГГУ), Санкт-Петербурге, (Восточный факультет СПбГУ), Иркутске (Международный институт экономики и лингвистики ИГУ), Владивостоке (Восточный институт ДВГУ), Улан-Удэ (БГУ), Благовещенске (БГПУ), Казани (Институт востоковедения КГУ) и Новосибирске (на базе НГТУ). В ближайшее время планируется открытие Институты Конфуция в Белгороде (БелГУ), Череповце (ЧГУ), Ельце (Елецкий университет), Томске (Томский государственный университет). В очереди на открытие стоит еще десяток российских вузов⁶.

Оценка такого явления как институт Конфуция в России колеблется от радужно-оптимистической до опасливо-песси-

мистической. В защиту первой позиции приводятся аргументы о том, что Институты Конфуция вносят значимый вклад в повышение уровня взаимопонимания между народами двух стран, усиливают сотрудничество в гуманитарной и культурной сферах, становятся основой для более крепких экономических и политических связей.

Оппоненты считают Институты Конфуция инструментами осуществления «гибкой власти». Некоторые исследователи рассматривают Институты Конфуция амбициозным проектом современного истолкования китайских традиционных ценностей и их экспорта для перестройки существующего мирового порядка⁷. Эти исследователи полагают, что Институты Конфуция способствуют «формированию в сознании иностранцев ведущей роли КНР и ее претензий на “моральное лидерство” в мировой политике, роли идей Конфуция для мировой цивилизации в качестве универсального инструмента достижения гармонии и разрешения противоречий как между людьми, так и в отношениях между государствами; созданию благоприятного для Китая информационного фона; устранению опасений относительно “китайской экспансии” и “китайской угрозы”; пропаганде традиционного культурного наследия; позиционированию китайского языка для изучающих его иностранцев как “языка возможностей, языка будущего благополучия”».

Мы считаем, что в осуществлении стратегической цели распространения Институты Конфуция по всему миру Китай ставит приграничные государства – Россию, Республику Корея, Японию на первое место. Именно в этих странах на сегодняшний день зарегистрировано наибольшее количество институтов Конфуция. В России только на территории Сибири и Дальнего Востока открыты 5 Институтов Конфуция (из 8), и это при том, что население восточной части России составляет всего 1/5 населения страны.

Наша оценка Институтов Конфуция осуществляется в духе концепций евразийства, диалога культур и патриотического воспитания. Институты Конфуция – уже существующая объективная реальность, они создаются на базе ведущих вузов нашей страны. В этой ситуации мы *можем и должны регулировать и корректировать их деятельность таким образом, чтобы извлечь максимальную пользу для России*. Мы обязаны строить деятельность Институтов Конфуция таким образом, чтобы обеспечить мирное сосуществование различных культур, их взаимовлияние и взаимообогащение, активизировать взаимовыгодное сотрудничество с Китаем, включая в него сотрудничество с другими странами Азии, Европы и Америки, исходя из коренных национальных интересов России, сохранения ее территориальной целостности и независимости. Это взаимовыгодное сотрудничество должно быть в первую очередь направлено на социально-экономическое развитие регионов Сибири и Дальнего Востока в пределах единого российского государства. Такое регулирование возможно через реализацию поликультурной модели высшего языкового образования с учетом специфики обучения восточным языкам, поскольку институты Конфуция в конечном счете будут и уже сейчас работают в основном со студентами наших вузов – будущим России.

Итак, разработанная нами *поликультурная модель высшего языкового образования ставит своей целью формирование личности, способной осуществлять полноценную эффективную межкультурную коммуникацию в условиях международного общения*. Основными задачами поликультурной модели высшего языкового образования являются:

- формирование системы знаний о языке и культуре;
- формирование представлений о поликультурности окружающего мира, осознание сходства и различия между представителями различных культур;

- формирование способности личности к культурному самоопределению, к осознанию и сохранению собственной культурной идентичности;

- формирование системы знаний о собственной российской культуре;

- формирование осознанных позитивных ценностных ориентаций личности по отношению к собственной российской культуре;

- овладение основными фоновыми знаниями мира изучаемых языков (пространственно-временными континуумами стран изучаемых языков, воплощенными в национальных языках (восточных и западных) (содержательный аспект соизучения языка и культуры));

- функциональное овладение языками (восточным и европейским) с учетом их национально-культурных контекстов, с целью использования их в разных сферах жизни общества: в науке, технике, экономике, культуре и т. п.;

- формирование представлений о культурных стереотипах, предрассудках и обобщениях;

- формирование представлений о межкультурных конфликтах и путях их преодоления;

- формирование способности к эффективному межкультурному взаимодействию, диалогичности, овладение стратегиями и тактиками межкультурной коммуникации;

- формирование представлений о современном евразийстве;

- воспитание толерантности личности по отношению к другим странам, народам и культурам;

- патриотическое воспитание личности;

- формирование способности к вторичной социализации и аккультурации.

На рис. 1 представлена схема поликультурной модели высшего языкового образования.

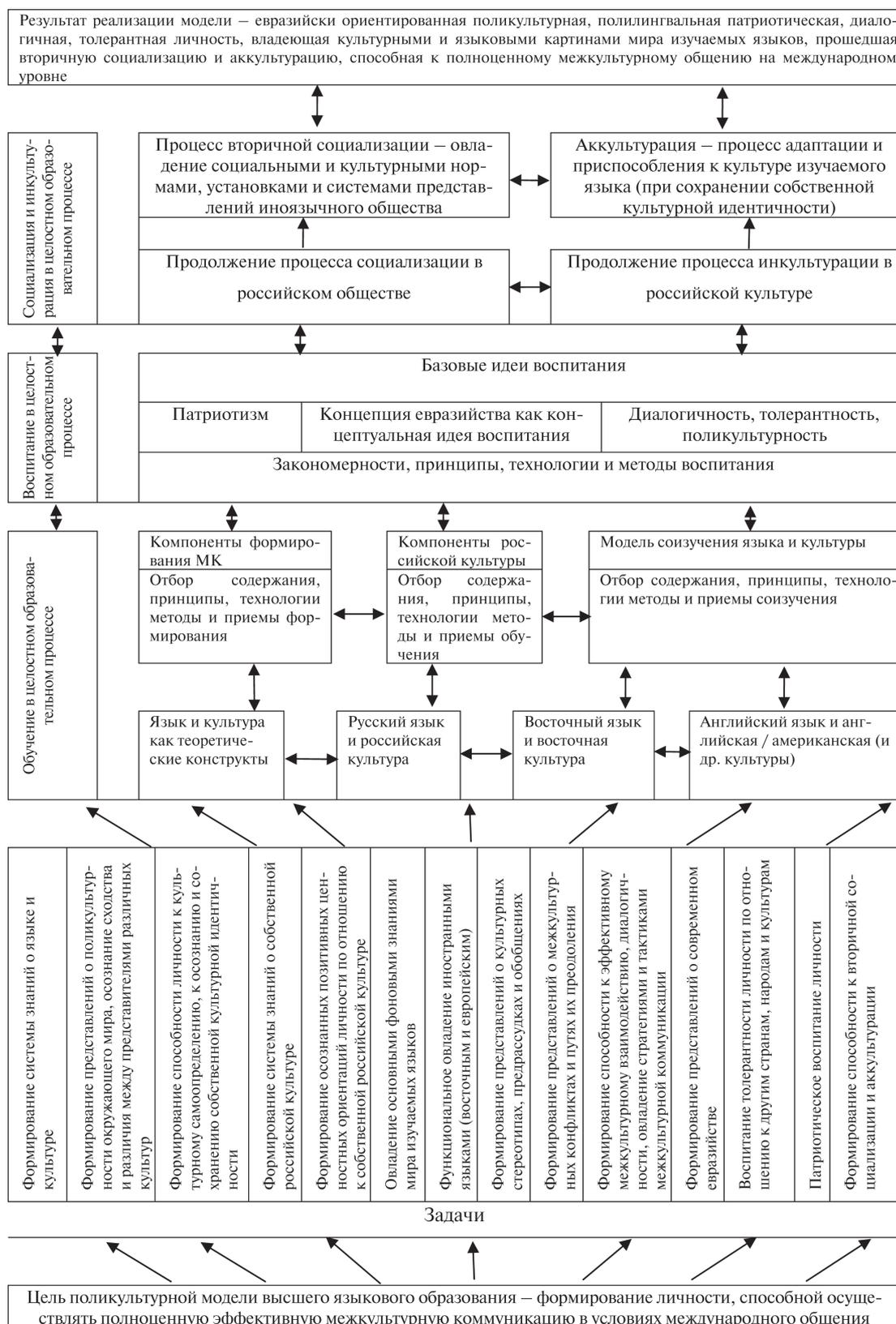

Рис. 1. Поликультурная модель высшего языкового образования

Основными отличительными чертами нашей модели являются:

- высшее языковое образование мы рассматриваем на уровне трех подсистем: обучения, воспитания, а также социализации и инкультурации (для иностранных языков – вторичной социализации и аккультурации), как целостный образовательный процесс, представляющий совокупность названных подсистем;

- целью образовательной модели мы полагаем формирование не просто личности, способной осуществлять межкультурную коммуникацию, а патриотически воспитанной личности, осуществляющей полноценное межкультурное общение на международном уровне;

- в методическом плане использована принципиально новая модель соизучения языка и культуры, позволяющая организовать **одновременный** процесс обучения языку, культуре и межкультурной коммуникации, а не осуществлять процесс обучения культуре и межкультурной коммуникации «вдогонку», вслед за обучением иностранному языку, обучая этому студентов средних и старших курсов, с уже сформированной системой иностранного языка и сложившимися представлениями об изучаемой культуре;

- разработано поэтапно согласованное распределение содержания обучения языку и культуре (на материале обучения китайскому языку и китайской культуре);

- поликультурная модель высшего языкового образования впервые построена с учетом специфики обучения восточным языкам.

Специфика модели с учетом обучения восточным языкам заключается в следующем:

- модель ориентирована на подготовку студентов, **одновременно** изучающих восточный и европейский иностранные языки, т. е. нацелена на формирование полилингвальной (как минимум три-

лингвальной) и поликультурной личности, т. е. российской личности, аккумулирующей в себе принципиально различные восточную и западную (американскую) культуры;

- впервые предложено и обосновано использование концепции евразийства как одной из базовых идей образовательного процесса;

- процесс обучения языку и культуре представлен как процесс овладения культурной и языковой картинами мира изучаемых языков, для чего описан механизм влияния национально-специфических концептов китайской культуры на семантический универсум народа;

- для овладения основными национально-специфическими концептами китайской культуры описаны ее базовые характеристики, определены основные различия в культурах Китая и Запада, выявлены типы межцивилизационных взаимодействий, способствующие улучшению качества процесса межкультурного общения личности;

- апробированы новые технологии соизучения китайского языка и культуры (например, тандем-технология при искусственном создании естественной языковой среды, интерактивная технология при иммерсии в социокультурную среду и др.).

Первичная обработка результатов эксперимента по внедрению предложенной модели в образовательный процесс подтвердила наше предположение о том, что эта модель позволяет сформировать евразийски ориентированную поликультурную, полилингвальную патриотическую, диалогичную, толерантную личность, владеющую культурными и языковыми картинами мира изучаемых языков, прошедшую вторичную социализацию и аккультурацию, способную к полноценному межкультурному общению на международном уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бедарева Т. Л.* Экономическое сотрудничество России и Китая как фактор укрепления позиции России в АТР / Т. Л. Бедарева // Китай, китайская цивилизация и мир. — М.: Изд-во ИДВ РАН, 2006. — С. 28–31.

² *Титаренко М.* Евразийство: российско-японские и российско-китайские отношения / М. Титаренко // Проблемы Дальнего Востока. — 2002. — №1. — С. 7.

³ *Сысоев П. В.* Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США): Дис. ... д-ра пед. наук. — М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. — С. 65.

⁴ Китай создал в 52 странах и регионах 140 Институтов Конфуция [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31515/5490226.html>

⁵ В Пекине создана штаб-квартира Институтов им. Конфуция [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ст.: <http://russian.people.com.cn/31517/5591907.html>

⁶ *Котельников А. А.* Институты Конфуция как инструмент распространения «гибкой власти» Китая на зарубежные страны / А. А. Котельников // Приграничное сотрудничество: Китай, Россия, Монголия. — Чита: Изд-во Администрации Читинской области, 2007. — С. 68–72.

⁷ *Кузык Б. Л.* Китай-Россия 2050: Стратегия соразвития / Б. Л. Кузык, М. Л. Титаренко. — М.: Изд-во Российской Академии наук, 2006. — С. 423–424; *Котельников А. А.* Указ. соч.